

The background of the cover is a dark, textured surface. On the left, a large, muscular arm in a tattered, greyish-brown cloth reaches out. In the center, a bright green, glowing stream of digital data (0s and 1s) flows downwards. At the bottom, several smaller, skeletal, and reaching hands are visible, appearing to grasp or be drawn into the digital stream. The overall mood is mysterious and technological.

ЦИФРОВОЙ ПРОМЕТЕЙ

АЛЕКСАНДР РАСТОРГУЕВ

18+

Александр Расторгуев

Цифровой Прометей

«Автор»

2026

Расторгуев А. В.

Цифровой Прометей / А. В. Расторгуев — «Автор», 2026

Он хотел оживить машину. Но сам остался в архивах. Альберт Уэйн создал первый в истории веб-сериал и пытался научить искусственный интеллект чувствовать. Он умер один в Сантьяго-де-Чили, оставив после себя долги и пустую комнату. Двадцать лет спустя его сын нанимает Кристофера Левитта, чтобы тот написал книгу о покойном отце. Журналист берётся за работу ради денег — но находит не биографию, а одержимость. Письма, дневники, логи, стенограммы. Голоса тех, кто любил Альберта. Голоса тех, кто его ненавидел. Чем глубже он копает, тем меньше понимает, где заканчивается чужое безумие и начинается его собственное. «Дом листьев» встречает «Социальную сеть» — документальный роман о гении, который родился не в своё время.

© Расторгуев А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение	5
Пролог	6
МЕМУАРЫ. Лео Уэйн. Май 2026 г. Сан-Франциско	6
ДОКУМЕНТ №0. 2026 г. Внутренний отчёт Aletheia AI. Отдел разработки. «Анализ текущего состояния модели Aletheia 5»	9
МЕМУАРЫ. Лео Уэйн. Май 2026 г. Сан-Франциско	10
ДОКУМЕНТ №0А. 2026 г. Служебная записка. От: Тимоти Дрейк. Кому: Робин Фэррис. «Стратегическое решение Лео Уэйна»	12
ДОКУМЕНТ №0Б. 2026 г. Конфиденциальная служебная записка. От: Робин Фэррис. Кому: Члены совета директоров Aletheia AI. «Оценка пригодности Лео Уэйна»	13
МЕМУАРЫ. Лео Уэйн. Май 2026 г. Сан-Франциско	14
МЕМУАРЫ. Лео Уэйн. Май 2026 г. Сан-Франциско	15
ДОКУМЕНТ №0В. 2026 г. Внутренняя служебная записка. От: Робин Фэррис. Кому: Лео Уэйн. «Ваше решение»	16
МЕМУАРЫ. Лео Уэйн. Май 2026 г. Сан-Франциско. Вечер	17
Глава 1	18
ДОКУМЕНТ №1. 2026 г. Письмо Лео Уэйна Крису Левитту. Электронная почта	18
МЕМУАРЫ. Крис Левитт. Май 2026 г. Торонто — Сан-Франциско	19
ДОКУМЕНТ №2. 2026 г. Контракт №А-992-26 между Крисом Левиттом и Aletheia AI. Страница 7	22
МЕМУАРЫ. Крис Левитт. Май 2026 г. Сан-Франциско	23
Г	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Расторгуев

Цифровой Прометей

Предупреждение

В книге упоминаются темы самоубийства, психических расстройств и смерти. Сам акт самоубийства в тексте не описывается, графические сцены ухода из жизни отсутствуют.

Если вы или кто-то из ваших близких переживает тяжелый период и находится в кризисной ситуации, помните — вы не одни, и помощь рядом:

— Если есть непосредственная угроза жизни и здоровью — немедленно звоните по телефону **112**.

— Если вам необходима квалифицированная психологическая помощь — вы можете найти бесплатную местную службу поддержки в вашей стране через международный ресурс *findahelpline.com*.

Пролог

МЕМУАРЫ. Лео Уэйн. Май 2026 г. Сан-Франциско

Кабинет на сорок втором этаже. В руках — отцовская дискета. Пластик быстро согрелся от ладони, но тяжесть носителя ощущалась иначе. Так тяжелело то, что за ним стояло.

Бумажная этикетка почти отклеилась от времени. На ней выцветшими синими чернилами было выведено: *ARCHON_CORE_1989*. Ниже, в скобках: «Jack». Почерк знакомый. Он снился мне чаще, чем хотелось бы.

Внутри был код. Или то, что принималось мной за код. Отец считал это важным. Настолько, что спрятал, испортил, искусал пластик по краям и увез на другой конец земли. Настолько — что умер рядом с этим в Чили. Что это значит, я не знал.

Пальцы дрожали. Я говорил себе, что это из-за усталости, бессонницы, из-за двух проваленных подряд квартала, совета директоров, который давно видел во мне не генерального директора, а временную ошибку. Но дрожь была старше. Она появилась в тот день, когда стало ясно: открою дискету — и, если найду там отца, найду и себя. Не сына. Не наследника. Код.

Механику машины я понимаю. Логику отца — нет. Реальность Альберт видел иначе: где для меня была пустота, для него проступал алгоритм; где стояла тишина — звучали голоса. Уэйн-старший создавал нечто, что не читалось, не повторялось и не выбрасывалось.

Именно этот тупик заставил начать поиски. Хотелось раскопать исходный код, систематизировать его мысли, понять наконец, зачем отец сбежал в Чили. Но внутри рос другой, более честный страх: открою дискету, пойму его — и в ту же секунду стану им, не смогу больше быть собой.

Носитель лег рядом с ноутбуком. За панорамным окном Сан-Франциско медленно тонул в сером тумане. Внизу горели неоновые огни, похожие на гигантскую интегральную схему. Смотрел на него и думал, что и моя собственная жизнь давно собрана из чужих, кем-то предписанных схем.

— Ты хочешь знать, что он оставил, — сказал я тихо, обращаясь к дискете. — Но ты не готов к тому, что найдёшь.

Дискета не ответила. Разумеется. Она была всего лишь куском пластика. Но в тот вечер мне казалось, что она слушает.

— Откроешь её, — продолжил я, — найдёшь то, что разрушит твою жизнь до основания. Или то, что докажет: он был прав. Или то, что докажет: он был безумен. Ты не знаешь. И не узнаешь, пока не попробуешь.

Я сжал дискету в кулаке. Пластик хрустнул под пальцами — едва слышно, но достаточно, чтобы вовремя разжать руку. Сломать её я не мог. Не имел права. Даже если панически боялся.

В дверь постучали.

Вошла Элеонора Вэнс, главный юристконсульт *Aletheia AI*. Старше меня на пятнадцать лет, тёмные волосы, острые глаза — они видели в этой компании слишком много, чтобы чему-то удивляться.

— Вызывал? — Вэнс села напротив. — Есть что обсудить?

— Хочу нанять частного журналиста. Биографа. Чтобы он расследовал деятельность моего отца.

Элеонора не изменилась в лице. Только чуть медленнее, чем обычно, положила плотную папку на колени.

— Зачем?

— Мне нужны его архивы. Хочу найти код, написанный во времена Чили.

— Твой отец мёртв двадцать лет, Лео. Если он оставил что-то, почему ты думаешь, что это можно найти сейчас?

— Потому что должен попытаться. Наша *Aletheia 5* не работает без эмоционального ядра. Сейчас это просто очень быстрый, но мёртвый калькулятор. А отец создал нечто, что действительно работало.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Так смотрят на человека, уже принявшего решение и ждущего только формального разрешения, которого ему никто не даст.

— Лео, — сказала она. — Я понимаю твою мотивацию. Но как твой юрист обязана сказать: то, что ты собираешься сделать, — это хождение по минному полю. Давай по порядку.

Она решительно подалась вперёд.

— Во-первых, конфиденциальность. Если биограф найдёт что-то, что может навредить репутации компании, у нас нет никаких гарантий, что он не продаст это конкурентам. Даже с NDA мы не сможем контролировать каждый его шаг. Он может найти юридическую лазейку и обойти соглашение. Наши коммерческие тайны станут достоянием общественности.

— Я подпишу с ним жесткое NDA. Я лично буду контролировать каждый его шаг.

— NDA — это просто бумага, Лео. Бумага никогда не остановит того, кто отчаянно нуждается в деньгах. Ты выбрал человека, который с треском проиграл суд по делу о клевете в Торонто. Он должен сто пятьдесят тысяч долларов. Он потерял работу, жену, репутацию. У него нет ни одной причины сохранять верность нам.

— У него есть причины. Если он нарушит контракт, то потеряет последнее, что у него осталось.

— Если он найдёт в Чили что-то, что стоит на рынке больше, чем штраф по NDA, он продаст это без колебаний. Это не вопрос морали. Это чистая экономика.

Я промолчал. Спорить с ней было бесполезно. Она была чертовски права. Но это ничего не меняло в моей системе координат.

— Во-вторых, — продолжила Элеонора, — твои прямые обязательства перед советом директоров. Ты генеральный директор. Ты юридически обязан действовать исключительно в коммерческих интересах компании. Если совет узнает, что ты используешь полномочия и бюджеты для личного расследования, которое может навредить репутации *Aletheia AI*, они мгновенно обвинят тебя в нарушении фидуциарных обязательств. Это не просто выговор. Это твоё увольнение. И, возможно, последующий судебный иск со стороны акционеров.

— Я не нарушаю обязательства. Я ищу технологическое решение для спасения компании.

— Совет увидит не решение, а опасную одержимость. Твою личную попытку что-то доказать мёртвому отцу. И они будут правы.

— Да, знаю. Но если я не попытаюсь, компания умрёт. А если компания умрёт, совет уволит меня в любом случае. У меня просто нет выбора.

Элеонора тяжело вздохнула. Она поняла, что я не отступлю и прекрасно видела, что я сознательно рискую всем.

— В-третьих, судебные риски, — глухо добавила она. — Если биограф найдёт информацию, затрагивающую третьих лиц — старых бостонских инвесторов, бывших партнёров твоего отца или государственные структуры — мы можем получить встречную лавину исков о клевете, нарушении коммерческой тайны и уголовные обвинения. Ты не сможешь контролировать то, что он раскопает и тех, кто подаст на нас в суд.

— Ты предлагаешь мне отказаться?

— Лишь подумать о последствиях. Подготовиться к худшему. Осознать, что ты не можешь контролировать всё.

— Я понимаю.

— И ты всё равно намерен это сделать?

— Намерен.

Она пристально смотрела на меня ещё несколько секунд. Потом сухо закрыла свою папку.

— Тогда я подготовлю контракт. Максимально жёсткий. С запредельными штрафами за разглашение. С пунктом о тотальном мониторинге всех его цифровых устройств. С пунктом о том, что все найденные им материалы изначально являются собственностью *Aletheia*. Я сделаю всё, чтобы юридически защитить компанию.

— Я ценю твою помощь, Элеонора.

— Я делаю это не для тебя. Но хочу, чтобы ты чётко знал одну вещь. Если это расследование приведёт к репутационному краху, ты останешься один. Робин Фэррис уже активно ищет повод, чтобы заменить тебя в этом кресле. Два квартала подряд — провал. План по *Aletheia* не выполнен. Новые инвесторы не подписаны. Ты сейчас на грани.

— Я знаю.

— И ты всё равно готов рискнуть? Карьерой? Репутацией? Свободой?

— Готов. Потому что, если не сделаю этого, потеряю всё в любом случае.

— Ты получишь контракт сегодня вечером, — сказала она и поднялась со стула. — И Лео... если ты действительно найдёшь то, что ищешь... будь осторожен. Некоторые вещи лучше никогда не знать. Говорю тебе по собственному опыту.

Тяжёлая дверь кабинета тихо закрылась. Я снова остался один на один с серой панорамой Сан-Франциско и тёплым куском пластика на столе.

ДОКУМЕНТ №0. 2026 г. Внутренний отчёт Aletheia AI. Отдел разработки. «Анализ текущего состояния модели Aletheia 5»

I. ТЕХНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

Модель Aletheia 5 достигла 94% прохождения теста Тьюринга. Однако независимые эксперты отмечают, что модель не способна к контекстуальному пониманию. Она имитирует речь, но не понимает смысла. Она выдаёт правильные ответы, но не чувствует их веса.

II. ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЯДРО

Попытки создать эмоциональное ядро на основе существующих архитектур не увенчались успехом. Модель не способна распознавать иронию, сарказм, страх, надежду. Она не способна к эмпатии. Она остаётся «мёртвой».

III. КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

- Отсутствие контекстуального понимания.*
- Отсутствие эмпатии.*
- Высокий риск раскрытия недостатков модели в процессе пилотного тестирования.*

IV. РЕКОМЕНДАЦИИ

- Привлечь внешних экспертов для разработки эмоционального ядра.*
- Перенести релиз на второй квартал 2027 года.*
- Рассмотреть возможность приобретения сторонних технологий.*

МЕМУАРЫ. Лео Уэйн. Май 2026 г. Сан-Франциско

После Элеоноры я вызвал Тимоти Дрейка, директора по стратегическому развитию. Он вошёл быстро, как человек, который всегда твёрдо знает, что его личное время стоит гораздо дороже чужого.

— Лео, что за срочность? — спросил он, даже не садясь, а просто уперевшись ладонями о край моего стола.

— Хочу обсудить стратегию.

— Какую?

— Выживания. *Aletheia* 5 не работает.

— Не напоминай мне об этом, — его лицо мгновенно посуровело.

— Я хочу найти решение.

— И какое?

— Нанять независимого биографа. Он раскопает чилийские архивы моего отца. Он создал рабочую систему. Нужно найти её исходный код и интегрировать в наше ядро.

Тимоти коротко усмехнулся. Не зло. Скорее — искренне устало.

— Лео, я прекрасно понимаю твоё отчаяние. Но давай наконец посмотрим правде в глаза. Даже если ты найдёшь код, даже если он каким-то чудом работает — что дальше? У нас нет технической документации. Нет команды, способной понять эту безумную архитектуру. Нет никакой гарантии совместимости. Мы потратим месяцы и, скорее всего, получим бесполезный, мёртвый артефакт.

— Я знаю риски, Тимоти. Но у нас просто нет других вариантов.

— Варианты есть всегда, — жёстко возразил Дрейк. — Купить перспективный стартап. Нанять команду из MIT. Начать с чистого листа.

— Мы уже пробовали всё это. Стартапы хотят слишком много. MIT не заинтересован в коммерции, у них чистая наука. Мы уже потратили два года и выкинули пятьдесят миллионов долларов. И у нас до сих пор нет ничего, кроме этого калькулятора.

Тимоти промолчал. Он знал эти цифры не хуже меня.

— А ты уверен, что у твоего отца действительно есть решение? — спросил он наконец после затянувшейся паузы. — Альберт Уэйн умер двадцать лет назад. Его код написан на языке, который сегодня никто не использует. Он создавался под совершенно другую техническую архитектуру. Ты на полном серьёзе предлагаешь нам заниматься археологией?

— Может быть. Но я должен попытаться. Если не сделаю этого, то никогда не узнаю правду.

— Ты рискуешь не только собой. Под ударом будет вся компания. Наши инвесторы на пределе. Они отчётливо видят, что мы безнадежно отстаём от *DeepMind* *OpenAI*. Если они узнают, что деньги компании тратятся на поиски кода двадцатилетней давности, они потребуют немедленной смены руководства. И в этот раз я не уверен, что смогу тебя защитить перед советом.

— Я не прошу меня защищать, Тимоти, лишь поддержать.

— И что я получу взамен за этот суицидальный риск?

— Если код найдётся — мы гарантированно выиграем эту глобальную гонку. Если нет — я без лишнего шума уйду сам. Никто в совете директоров никогда не узнает, что ты прикрывал меня. Просто скажешь им, что с самого начала был категорически против.

Тимоти замер, пристально и изучающе всматриваясь в моё лицо.

— Ты действительно веришь в это, — тихо произнёс он. — Веришь, что твой старик создал нечто, что может нас спасти.

— Я должен верить. Иначе зачем это всё?

— Тогда я подготовлю официальный отчёт для совета, — Дрейк наконец оттолкнулся от стола и выпрямился. — Скажу им, что это стратегическая разведка потенциальных активов. Исследование старых архивов Уэйна на предмет забытых патентов.

— Спасибо, Тимоти.

— Не благодари. Я слишком хорошо помню, каким ты был до того, как сел в это кресло и стал генеральным директором. Ты умел искренне верить в невозможное. И я чертовски хочу, чтобы ты снова стал таким.

**ДОКУМЕНТ №0А. 2026 г. Служебная записка.
От: Тимоти Дрейк. Кому: Робин Фэррис.
«Стратегическое решение Лео Уэйна»**

Уважаемый Робин,

Я считаю своим долгом проинформировать вас о решении Лео Уэйна, которое может поставить под угрозу репутацию компании.

Лео намерен нанять частного биографа для расследования деятельности его покойного отца, Альберта Уэйна. Он утверждает, что это поможет интегрировать эмоциональное ядро в Aletheia 5.

Я не разделяю его оптимизма. По моей оценке, вероятность практического результата не превышает 15%. Вероятность вреда репутации компании — 60%.

Я рекомендую совету директоров рассмотреть возможность ограничения полномочий Лео. Если он настаивает на расследовании, мы должны обеспечить полный контроль над его результатами.

С уважением,

Тимоти Дрейк.

Директор по стратегическому развитию.

**ДОКУМЕНТ №0Б. 2026 г. Конфиденциальная
служебная записка. От: Робин Фэррис.
Кому: Члены совета директоров Aletheia
AI. «Оценка пригодности Лео Уэйна»**

Уважаемые коллеги,

Я должен поднять вопрос о психологической стабильности нашего генерального директора, Лео Уэйна.

Последние кварталы демонстрируют его неспособность принимать рациональные решения. Он отказывается признать, что Aletheia 5 не соответствует рыночным требованиям. Он тратит время и ресурсы на личные проекты, не связанные с деятельностью компании.

Мне стало известно, что он намерен нанять частного биографа для расследования деятельности его покойного отца. Он утверждает, что это поможет найти эмоциональное ядро для Aletheia 5. Это не бизнес-стратегия. Это одержимость.

Я предлагаю рассмотреть возможность проведения независимой психологической оценки Лео Уэйна. Если комиссия сочтёт его неспособным выполнять обязанности, мы должны быть готовы к его замене.

Робин Фэррис

Председатель совета директоров.

МЕМУАРЫ. Лео Уэйн. Май 2026 г. Сан-Франциско

Кембридж, 2001 г.

Иногда я возвращаюсь в ту комнату.

Стою в дверях домашней лаборатории, где гудели серверы. Этот низкий гул стоял в доме каждую ночь. К нему слишком рано привыкаешь — как к собственному дыханию или шуму крови в ушах. Но этот звук всегда был громче, чем тихий голос моего отца.

— Папа, — сказал я тогда, переступая с ноги на ногу на холодном полу. — Я хочу спать.

Альберт не обернулся. Его пальцы быстро и ритмично летали по клавиатуре, выбивая сухую пластиковую дробь. На экране бежали бесконечные строчки зелёного кода.

— Папа, — повторил я чуть громче.

— Иди в свою комнату, — бросил он, по-прежнему не оборачиваясь ни на сантиметр. — Я приду позже.

Я остался стоять на пороге и смотрел на его сгорбленную, напряжённую спину и чего-то ждал. Думал, что он хотя бы на секунду прервётся. Обернётся. И увидит меня.

Но этого не случилось.

И я ушёл. Лёг в свою кровать, натянул одеяло до подбородка и длительное время пялился в тёмный потолок, прокручивая мысль о том, что в стенах этого дома машины всегда обладали большим весом и правом голоса, нежели я сам.

МЕМУАРЫ. Лео Уэйн. Май 2026 г. Сан-Франциско

В тот вечер я встретился с Даниэлем Коэном. Мы вместе учились в MIT. Сейчас он работал в крупном стартапе, разрабатывавшем ИИ для медицины. Он оставался одним из очень немногих людей в этой индустрии, кому ещё можно было безоговорочно доверять.

Бар на окраине города был полупустым. Даниэль молча смотрел на меня поверх своего стакана с виски.

— Ты выглядишь чертовски уставшим, Лео.

— Не больше, чем всегда, — отмахнулся я.

— Что случилось?

— Хочу нанять частного биографа, — сказал я, глядя на янтарную жидкость в его стакане. — Чтобы он нашёл чилийские архивы моего отца.

Даниэль медленно, со стуком поставил стакан на деревянную стойку.

— Двадцать лет, чувак. Зачем?

— Потому что я до сих пор не понимаю его, Дэн. Не понимаю, что именно он тогда создал. Почему бросил нас и ушёл. Я просто хочу найти правду.

— И ты думаешь, эта твоя правда тебе поможет?

— Не знаю, — честно признался я. — Но нужно попытаться.

Коэн подался вперёд, пристально вглядываясь в моё лицо:

— Ты ведь знаешь, что это расследование может окончательно разрушить тебя?

— Да. Знаю.

— И ты всё равно этого хочешь?

— Хочу.

Даниэль долго молчал, крутя стакан в ладонях и слушая, как бьются о стекло подтаявшие кубики льда. Наконец он поднял на меня глаза:

— Тогда будь готов к тому, что на самом дне ты найдёшь совсем не то, что так отчаянно ищешь.

— Я готов.

— Нет, Лео, — тихо и жёстко отрезал Дэн. — Ты не готов. И никогда не будешь.

**ДОКУМЕНТ №0В. 2026 г. Внутренняя
служебная записка. От: Робин Фэррис.
Кому: Лео Уэйн. «Ваше решение»**

Уважаемый Лео,

До меня дошла информация о вашем решении нанять частного биографа для расследования деятельности вашего отца. Я должен выразить свою обеспокоенность.

Вы используете своё положение в компании для личных целей. Это может навредить репутации Aletheia. Это может отвлечь вас от прямых обязанностей.

Я не могу запретить вам тратить личные деньги на это расследование. Но я должен предупредить: если эта ситуация навредит компании, я буду вынужден поставить вопрос о вашем увольнении на совете директоров.

Я надеюсь, что вы понимаете серьёзность ситуации.

С уважением,

Робин Фэррис,

Председатель совета директоров.

МЕМУАРЫ. Лео Уэйн. Май 2026 г. Сан-Франциско. Вечер

Кабинет медленно погружался в сумерки.

В памяти мёртвым грузом лежали строки из предупреждения Робина Фэрриса: *«Если эта ситуация навредит компании, я буду вынужден поставить вопрос о вашем увольнении»*. Эта угроза не была пустой формальностью. Фэррис слишком долго и методично искал весомый повод избавиться от меня. И прямо сейчас я добровольно давал ему этот повод.

Но остановиться уже не мог. Любой ценой нужно было раздобыть код. Доказать совету директоров, инвесторам и всему этому миру, что Альберт Уэйн не был заурядным, бредившим безумцем. Что созданный им в сырых подвалах алгоритм стоил каждой разрушенной жизни, каждого сорванного контракта и каждого потраченного доллара.

На краю стола лежал плотный крафтовый конверт. Внутри — авиабилет, составленный Элеонорой строгий контракт и авансовый чек на сумму, способную закрыть половину чужих долгов. Старая отцовская дискета осталась лежать рядом, на гладком чёрном дереве. Отдать её вслепую первому встречному я не мог. Сначала нужен был человек, который без колебаний войдёт в эту тёмную комнату и не посмеет отвести взгляд.

Маркером на конверте я размашисто вывел имя: Кристофер Левитт.

Человек, умудрившийся потерять всё: профессиональную репутацию, имя, деньги и жену. Отчаянный. Голодный до работы. Готовый пойти на любые условия ради призрачного шанса вернуться в игру.

Выбор был очевиден: в глубине души я узнал в этом человеке себя.

Я смотрел на этот конверт и думал, что этот росчерк маркера — начало моего неизбежного конца. Или, возможно, наше общее новое начало.

Глава 1

ДОКУМЕНТ №1. 2026 г. Письмо Лео Уэйна Крису Левитту. Электронная почта

Мистер Левитт,

Ваша статья «Забывтые пророки Web 1.0» (The Atlantic, декабрь 2024) была прислана мне коллегой. Фраза о «первой искре, которую никто не заметил» — точное описание моего отца.

Мне нужен биограф. Человек, готовый провести шесть месяцев в архивах, чтобы написать книгу, которую никто не заказывал, но все будут читать. Бюджет: \$150 000. Первый транш — \$25 000 после подписания NDA. Остальное — по факту сдачи рукописи.

Мой отец — Альберт Уэйн. Вы о нём не слышали. Это неудивительно. Он умер в 2006 году в Чили, оставив долгов больше, чем наследства. Но до этого он создал нечто, что сейчас, в эпоху LLM, выглядит как технология, опередившая время на двадцать лет.

Мне нужны не мемуары, а полноценное документальное расследование. Вы найдёте правду — ту, которую я сам не могу найти, потому что слишком близок.

Вложение: билет на рейс AC 737, Торонто — Сан-Франциско, 17 мая, 09:40. Бизнес-класс. Считайте это авансом доверия.

Лео Уэйн,

Генеральный директор, Aletheia AI.

P.S. Не ищите информацию об отце до подписания контракта. Если в Google о нём есть три строчки — значит, вы нашли не того человека.

МЕМУАРЫ. Крис Левитт. Май 2026 г. Торонто — Сан-Франциско

Прошлая ночь в Торонто прошла с дешёвым алкоголем. Сейчас организм был выжжен и пуст. На банковском счёте оставалось ровно четыреста семнадцать долларов. А впереди ждал перелёт к загадочному нанимателю, чья лаконичная визитка гласила: «Генеральный директор».

Эллис спала, когда я собирал чемодан. На кухонном столе сиротливо лежала вчерашняя записка — три рваные строчки, написанные в спешке. Позже дипломированные эксперты по семейным отношениям скажут, что такое расставание — чистое оскорбление. Но в тот пред-рассветный час нужных слов у нас просто не было. Весь лексический запас ушёл до этого на мою скандальную статью о забытых пророках.

Туман над заливом Сан-Франциско в иллюминаторе был грязно-серым, напоминая помехи на старом неисправном мониторе. Самолёт тяжело пошёл на снижение. Я смотрел на расстилающуюся внизу схему дорог и понимал: Лео Уэйн выбрал, мягко говоря, не лучшего кандидата на роль биографа своего отца. Мной двигало лишь одно — отчаянная решимость идти до конца. Я согласился на этот жёсткий контракт вслепую, даже не вчитываясь в условия. Наверное, именно это качество в моём профиле его в итоге и привлекло. Потерявшие всё люди не задают лишних вопросов.

В марте главный редактор *The Globe and Mail* сказал мне прямо в лицо, подписывая приказ об увольнении: «Крис, ты упорно пишешь о мёртвых людях, которые уже никому не нужны в этой индустрии. Это не журналистская карьера. Это затянувшийся некролог в масштабе твоей собственной жизни». Мне следовало тогда промолчать и уйти. Но я огрызнулся, хлопнув дверью. А ведь он был прав. Мертвецы не умеют лгать. Вся фальшь в нашей профессии всегда исходит исключительно от живых. От тех, кто с умным видом пересказывает чужие изломанные биографии.

Альберт Уэйн. Информационный вакуум вокруг него подтвердился сразу, ещё до посадки. Современные поисковики упрямо не выдавали по его имени ровным счётом ничего. Лишь три случайные, чудом уцелевшие строчки на полузаброшенном форуме *Usenet*, где пользователь под ником *a_waunev* далёком 1999 году яростно спорил с коллегами о семантических сетях. Его цитата намертво врезалась в память: *«Любые попытки научить машину думать без предварительного обучения базовым человеческим чувствам — полностью абсурдны. Это то же самое, что строить монументальный мост над несуществующей рекой»*. Больше ничего. Ни профиля в LinkedIn, ни статьи в Wikipedia, ни архивных кэш-копий. Его стёрли из сети с особой тщательностью.

Лео Уэйн приехал в аэропорт Сан-Франциско сам. Лично, без охраны, а не выслал машину. Это должно было насторожить меня с самого начала.

Он неподвижно стоял у стойки информации. В руке сжимал смартфон, но совершенно не смотрел на его экран. Плывающая мимо толпа прилетевших пассажиров была для него лишь безликой, мешающей массой. Ему было всего тридцать два года, но осанка и жёсткий взгляд выдавали предельную усталость человека, вынужденного управлять огромной технологической корпорацией с двадцати лет. Тёмные, аккуратно уложенные кудри. Безупречно сидящий тёмно-синий костюм из дорогой шерсти. Руки глубоко спрятаны в карманах брюк.

— Мистер Левитт?

— Крис.

— Лео. Машина снаружи, пойдёмте.

Руки для рукопожатия он не протянул. Развернулся на каблуках и быстрым шагом пошёл к выходу из терминала. Я молча двинулся следом. Именно тогда ловушка и захлопнулась: Лео Уэйн уже полностью управлял мной, намеренно не оставляя времени на лишние расспросы.

Машина оказалась угольно-чёрной «Теслой». Без номеров на бамперах. Без фирменного логотипа на кузове. Нанятый водитель хранил ледяное молчание. Лео сел рядом со мной на заднее сиденье. Между нашими телами осталось сорок сантиметров — ровно столько пространства, сколько необходимо для создания хрупкой иллюзии безопасности и сохранения авторитарного контроля.

— Когда вы пили в последний раз, Крис? — внезапно спросил он в пустоту салона. При этом упорно смотрел в окно.

— Вчера вечером.

— Сегодня и на всё время расследования любой алкоголь для вас под строгим запретом. Нам предстоит слишком серьёзный разговор у меня в офисе.

Он плавно достал из внутреннего кармана пиджака плотный белый конверт из дорогой бумаги. Моё имя на нём было выведено от руки. Аккуратным, каллиграфическим, почти инженерным почерком. Точно таким же, какой я позже найду в чилийских школьных тетрадах.

— Это ваш экземпляр, — ровно продолжал Лео. — Соглашение о неразглашении — на семнадцатой странице. Ключевой пункт: все обнаруженные в ходе поисков цифровые носители передаются *Aletheia AI* безоговорочно. Без права предварительного копирования или бэкапа. Любое изучение, архивация и цитирование — строго с одобрения руководства. Все оригиналы — наша собственность.

— Но это незаконно, — сказал я, чувствуя, как голос стремительно теряет былую уверенность. — Любые архивные материалы — это в первую очередь история. Они по праву принадлежат...

— Моему отцу, — жёстко перебил Лео. — Но его уже двадцать лет как нет в живых. А вы сейчас разговариваете с его единственным наследником. Так что закон в данном случае полностью на моей стороне, Крис. Но я не собираюсь с вами судиться. Поиск истины — это ваша прямая задача. Если вы найдёте в его архивах что-то, что *Aletheia* сможет использовать в разработке ядра — вы беспрекословно отдадите это нам. Если раскопаете что-то, что может сильно навредить репутации бренда — вы покажете это мне первому. Глаза в глаза.

Я вскрыл конверт. Внутри, помимо листов договора, лежал именной чек на двадцать пять тысяч долларов. На предъявителя. Грязный, прямо скажем, ход. И дьявольски умный для человека его возраста. Он знал, что у меня на счёте четыреста долларов.

— И всё же... Почему среди сотен биографов вы выбрали именно меня?

Лео впервые за всю поездку медленно развернулся в мою сторону. И я увидел его глаза без корпоративного фильтра. В них не было ожидаемого превосходства или сытого цинизма. В них горел самый настоящий, древний страх. В полумраке кожаного салона маска уверенного, непогрешимого топ-менеджера Кремниевой долины дала глубокую трещину. Под ней проступало что-то очень старое. И болезненное.

— «Мы все прекрасно помним тех, кто в итоге создал *Google*. Но никто из нас не помнит имени того, кто высек самую первую искру», — помните, откуда это? Из вашей статьи.

— Решили надавить на мою тщеславность? — улыбнулся я, не скрывая сарказма.

— Мой отец, Альберт Уэйн, заживо сжёг себя ради этой искры. И я просто хочу наконец понять — ради чего именно он это сделал. Это нужно не для корпорации. Для меня.

Он снова резко отвернулся к окну, закрывая лицо. Из утреннего тумана плавно выплыли гигантские оранжевые опоры моста «Золотые Ворота». И в ту самую секунду я отчётливо понял: это была самая красивая, профессионально выверенная ложь, которую я когда-либо слышал в своей жизни. Но чек уже лежал в кармане, и маховик моей судьбы уже невозможно было остановить.

ДОКУМЕНТ №2. 2026 г. Контракт №А-992-26 между Крисом Левиттом и Aletheia AI. Страница 7

12.3. Исполнитель обязуется передать Заказчику все обнаруженные в ходе расследования цифровые носители в течение 48 часов с момента обнаружения. Нарушение данного пункта влечёт штраф в размере \$500 000 и уголовную ответственность по статье о коммерческой тайне.

15.1. Заказчик оставляет за собой право на дистанционный мониторинг всех устройств, используемых Исполнителем в рамках проекта. Установка программного обеспечения Aletheia Security Suite на устройства Исполнителя является обязательной.

МЕМУАРЫ. Крис Левитт. Май 2026 г. Сан-Франциско

Здание *Aletheia AI* находилось в самом центре района Сомы. Но вместо привычных атрибутов Кремниевой долины — легкомысленных скейтбордистов, породистых собак и бесплатного крафтового пива — меня встретила почти клиническая обстановка. Идеально белый, отполированный мрамор под ногами. Огромные панорамные окна, наглухо заблокированные плотным калифорнийским туманом. Воздух здесь пах не живым рабочим пространством, а операционной — тем самым специфическим запахом ионизированной свежести, слишком хорошо знакомым по больничным палатам, где мой собственный отец провёл свои последние земные дни. Кондиционеры в потолке гудели так тихо, что в коридорах я слышал ритм своего прерывистого дыхания.

Мы молча шли через центральную исследовательскую лабораторию. За прозрачными стеклянными перегородками тянулись бесконечные ряды серверных стоек. Сотрудники в одинаковых белых халатах отрешённо замерли перед мониторами.

— Это *Aletheia 5*, — негромко произнёс Лео, даже не думая останавливаться. — Наша флагманская языковая модель. Тест Тьюринга в лабораторных условиях — девяносто четыре процента. Но вся система мертва.

— Мертва? — я невольно усмехнулся. — Вы говорите об алгоритме так, будто это живой человек.

— Именно так, Крис. Она идеально предсказывает следующее слово в предложении, но абсолютно ничего не понимает. Слова генерируются машиной без малейшего осознания их истинного веса. А Альберт Уэйн... — он резко оборвал фразу у дверей своего кабинета. — Мой отец всю жизнь возводил совсем другую структуру. В узких кругах разработчиков её знали под именем ARCHON. В открытых интернет-источниках этого имени вы не найдёте. Проект с самого старта держался в строжайшей тайне.

Кабинет Лео Уэйна оказался демонстративно пуст. Просторный стол из морёного чёрного дерева. На его лакированной поверхности лежали лишь ультратонкий современный ноутбук и старая трёхдюймовая дискетка Verbatim. Единственный предмет, который выглядел диким, кричащим анахронизмом в этом глянцево-хромовом царстве стекла и хромированной стали. Бумажная этикетка на ней отслоилась и загнулась по самому краю. Синие выцветшие чернила. Дрожащий, но всё ещё вполне читаемый почерк:

ARCHON_CORE_1989

(Jack)

Я подошёл ближе. Защитный пластик дискеты был покрыт сетью глубоких, давних царапин. А по краям виднелись следы человеческих зубов. Кто-то когда-то неистово или в состоянии панического, экзистенциального ужаса терзал этот хрупкий пластиковый квадрат.

— Это всё, что у меня вообще от него осталось, — глухо произнёс Лео. — Нашлась на самом дне коробки со старыми вещами отца, когда мать переезжала в свой дом в Бостоне. Она тогда подумала, что это просто какая-то его старая компьютерная игра из восьмидесятых. Прочсть её так и не удалось.

— Почему?

Лео взял долгую, гнетущую паузу. Он смотрел на этот потрёпанный квадрат так, как смотрят на старую фотографию давно умершего ребёнка.

— Я знаю *Python*, *C++*, *Lua*. Но этот синтаксис для меня остаётся тёмным. Это не код в привычном понимании, Крис. Этот текст больше похож на какую-то безумную молитву на двоичном диалекте. Буквы вроде бы различимы, но как только пытаешься сложить их в логическую цепочку — перед глазами встаёт сплошной белый шум. В этом нужно разобраться. Разобраться и предпринять жёсткие меры.

Дискета плавно скользнула по столу от его руки к моей. И остановилась у самого края.

— Официальный контракт на написание биографической книги — это лишь юридический фасад нашей сделки для совета директоров. Мне нужно от вас гораздо большее. Меня интересует, что именно зашито на этой дискете. Что творилось в его голове, когда он её записывал. И почему в итоге он предпочёл умереть в нищете в Чили, а не здесь, с нами.

Я бережно взял дискету со стола. В моих пальцах она показалась невесомой — как горсть давно остывшего пепла.

— Но почему вы сами не попытались поехать по его следам и...

— Из-за страха, — бесцеремонно перебил Лео. И впервые в его ровном голосе отчётливо звякнула живая, неприкрытая дрожь. — Я панически боюсь открыть этот файл и обнаружить там... себя. Поймите меня правильно: я боюсь найти там себя, но уже в виде готового, просчитанного кода.

Он снова отвернулся к окну, закрывая лицо. Калифорнийский туман окончательно поглотил Сан-Франциско за стеклом. В тот момент наши две фигуры со стороны казались призраками, стоящими в густом белом облаке на самом краю бездны.

— У вас есть ровно шесть месяцев, — уже привычным жёстким тоном напомнил Лео. — К ноябрю совет директоров в ультимативной форме потребует от меня готовую дорожную карту для *Aletheia 5*. Нашим инвесторам позарез нужно работающее эмоциональное ядро. Если демонстрация прототипа провалится — на моей карьере можно будет смело ставить крест. Впрочем, как и на вашей.

Он замолчал, уставившись в туман, и нервно потёр внутреннюю сторону левого запястья. Кожа там странно побелела, истончилась и покрылась глубокими рубцами — след от долгого, многолетнего ношения чего-то тугого. Теперь этот шрам аккуратно скрывал дорогой рукав его пиджака.

— Начинайте расследование с Торонто. Альберт жил и работал там в девяностых. Потом полетите в Бостон. И только потом — в Чили. Все счета за перелёты и гостиницы я оплачу лично. Но помните, Крис: каждый ваш шаг отныне отслеживается. Каждый присланный вами файл сканируется нашей службой безопасности. У меня нет никаких оснований вам доверять. Только прозрачный процесс — вот что придаёт мне ясность.

Дискета, согретая до этого ладонью Лео, перекочевала во внутренний карман моей поношенной куртки. Уже у самых дверей кабинета я не выдержал и задал ещё один вопрос, мучивший меня с момента прочтения этикетки:

— Имя Джек — что это?

Лео Уэйн так и не повернулся ко мне лицом. Он остался стоять спиной, глядя в серое марево за окном.

— Это имя его воображаемого друга. Он часто рассказывал мне о нём по ночам, когда мне было всего пять лет. Я тогда, по детской глупости, искренне верил, что Джек — это мой родной старший брат, которого я почему-то просто не вижу. И только потом до меня дошло: Джек — высшее воплощение всех его собственных скрытых стремлений. Образ того самого желанного, идеального «я», которым Альберт так и не сумел стать среди людей.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.